



Д.А. Савченко*

«ГОСУДАРЮ ХОТЕТИ ДОБРА ВО ВСЕМ»: ПРИСЯГА ПОДДАННЫХ МОСКОВСКОМУ ЦАРЮ (НАЧАЛО XVII В.)

Аннотация. Статья посвящена изучению правовой системы Московского царства начала XVII в. Исследуется правовая природа религиозной присяги царю населения Московского государства. На основе анализа текстов крестоцеловальных записей конца XVI — начала XVII вв. определены их виды и функции. Крестоцеловальные записи рассмотрены как публично-правовое средство воздействия на волю и сознание населения страны. Дана характеристика государственно-правового, уголовно-правового и процессуального значения обязательств, закрепленных в крестоцеловальных записях, последствия их невыполнения (лишение божией милости, проклятие от церкви, казни и наказания от государя). Выделены виды «крестных» преступлений, в которых проявлялись нарушения крестного целования. Наиболее подробно проанализировано обязательство «не хотеть лиха» царю, а также обязанность доносить о ставшем известным преступлении. Дана оценка крестного целования как средства предупреждения посягательств на основы политического строя Московского государства и личность царя.

Ключевые слова: Московское царство, правовая система, присяга, крестоцеловальная запись, «крестное» преступление, предупредительная роль присяги, наказание, лихое умышление, ведовство, обязанность доноса.

1 К началу XVII в. Россия представляла собой крупное самостоятельное государство. По форме правления оно являлось сословно-представительной монархией, в которой заметную роль играла Боярская дума и Земские соборы. С точки зрения государственного устройства под властью московского царя находились бывшие земли большинства русских великих и удельных княжеств, а также Новгорода и Пскова. Кроме того, его владения охватывали территории прежних Казанского и Астраханского ханств и некоторые другие территории. По своему политическому режиму Московское государство представляло собой православное царство, в котором огромная роль принадлежала христианской церкви восточного (греческого) толка с собственным патриархом.

Правовая система Московского царства начала XVII в. носила сложный характер. Ее материальным источником являлись сложившиеся феодальные экономические отношения, породившие вытекавшие из них социальные связи, а также интересы и потребности основных общественных групп. Идеологическим источни-

ком правовой системы было господствующее религиозно-правовое сознание, находившее отражение в официальных, получивших государственное одобрение и поддержку религиозных и политических воззрениях. Юридические источники московского права рассматриваемого периода имели, в основном, неформальный характер. Основным источником права в конечном итоге являлось волеизъявление царя и его ближайшего окружения.

В то же время, это волеизъявление все же имело некоторые внешние регуляторы. Их роль играли, с одной стороны, предписания, обладающие религиозным авторитетом, а с другой стороны, обычаи и прецеденты, авторитет которых был обусловлен их древностью и повторяемостью («старина»).

Важнейшим публично-правовым средством воздействия на сознание и волю населения Московского государства конца XVI — начала XVII вв. было крестное целование — религиозная присяга подданных на верность царю¹.

¹ Савченко Д.А. Правовое значение крестоцеловальных записей конца XVI — начала XVII вв. // Правовые

© Савченко Дмитрий Александрович

* Кандидат юридических наук, кафедра теории и истории государства и права Новосибирского государственного университета экономики и управления [s-d-63@mail.ru]

630099, Новосибирская область, г. Новосибирск, ул. Каменская, д. 56.



Тексты крестоцеловальных записей отражают многие характерные черты политической, идеологической, религиозной и юридической жизни страны. К сожалению, до настоящего времени они почти не подвергались углубленному юридическому анализу² и остаются малоизвестными многим правоведам. В то же время, анализ государственно-правового, а также уголовно-правового и процессуального аспектов крестоцеловальных записей позволяет дополнить наши знания о религиозно-правовой системе Московского царства вообще и применявшихся тогда мерах защиты основ политического строя, в частности.

2. Институт присяги подданных на верность царю носил сложный характер. Он включал, с одной стороны, всеобщую присягу, которое должно было приносить все население, «люди всякого звания», и, с другой стороны, присягу представителей отдельных социальных групп с учетом особенностей возлагаемых на них обязанностей.

Всеобщая присяга закрепляла признание человеком царя в качестве своего государя и вытекающую из этого обязанность «Царю... служить и прямить и добра хотети во всем вправду, безо всякия хитрости...». Даваемая каждым подданным, такая присяга была призвана гарантировать устойчивость и безопасность системы государственной власти, укрепить ее легитимность. После пресечения династии Рюриковичей и переходу к выборам царя это стало особенно необходимо.

Отсутствие наследственного фактора в обосновании прав на верховную власть (отсутствие «природного царя») вызвало усиление значения иных факторов, прежде всего, религиозного. Избрание царя трактовалось как волеизъявление Божие: «...всесильный, в Троице славимый, Бог наш... милость Свою показал, объявил Государя на Московское государство»³. Присяга на верность царю носила характер религиозной клятвы, нерушимость которой обеспечивалась угрозой возмездия от Бога. Она рассматривалась в качестве важнейшего средства предупреждения посягательств на основы политического строя Московского государства и его безопасности.

Религиозную клятву верности Московскому царю приносили как православные христиане, так и представители иных религий.

Для христиан присяга «оформлялась и закреплялась» публичным целованием креста в соборной церкви. Для «татар и всяких ясачных людей» она проявлялась в так называемой «шерти», даваемой на Коране и с соблюдением определенных ритуалов⁴ в том, что «им быти под государевою... высокою рукою на веки неотступным».

Отказ от крестного целования или «шерти» рассматривался как явное неповиновение воле Бога, влекущее божие возмездие. Массовый отказ от присяги, например, жителей города или волости давал основание для применения карательных мер военного характера. Так, в государевом наказе о приведении к присяге на верность мордвы Чебоксарского уезда от 1 января 1609 г. говорилось: «А в коих волостях не учнут шертовать... те волости воевать, черемису и татар побивать и жен их и детей в полон имать и животы грабить и деревни жечь»⁵.

Содержание присяги, закрепляемое в тексте крестоцеловальных записей, определялось в Москве при первом «целовании креста» государю. Текст записи централизованно распространялся по всей стране в качестве приложения к грамоте о восшествии царя на престол. Необходимости точного соответствия присяги на местах московскому тексту записи придавалось особое значение. В царской грамоте подчеркивалось требование: «...целовали б естя наш крест по той записи, по которой целовали бояре и вся земля». В тех случаях, когда размножение грамоты доверялось местным властям, особо предписывалось делать это, «списав слово в слово»⁶.

Крестоцеловальные записи XVII в., как отмечал Г.Г. Тельберг, «в противоположность записям предшествующего века, представляют собой не индивидуальное обещание верности, а общую формулу верноподданнической присяги»⁷. Закрепленные в записях обязательства населения играли не только важную государственно-правовую роль средства фиксации отношений подданства между человеком

проблемы укрепления российской государственности. Ч. 25. Томск, 2005. С. 62–66.

² Одним из немногих исключений является работа Тельберга Г.Г. (Очерки политического суда и политических преступлений в Московском государстве XVII в. М., 1912). Его обращение к крестоцеловальным записям позволило сделать ряд важных наблюдений и выводов.

³ Памятники истории Смутного времени. М., 1909. С. 16.

⁴ Так, в отписке из Тобольска в Кецкий острог о вошестве на престол В. Шуйского в 1606 г. предписывалось: «А как, господине, учнешь ясачных людей к шерти приводити и ты б в те поры велел над ними держати сабли, а прочетчи запись, велел встыкати на нож и давати им в рот по кусу хлеба с ножа, а после того велел бы еси их поити и кормити по государеву указу». См.: Акты времени правления Царя Василия Шуйского. 19 мая 1606 г. – 17 июля 1610 г. М., 1914. С. 66.

⁵ Там же. С. 359.

⁶ См.: Памятники истории Смутного времени. М., 1909. С. 18. Акты времени междоцарствия (1610 г. 17 июля – 1613 г.). М., 1915. С. 3.

⁷ Тельберг Г.Г. Очерки политического суда и политических преступлений в Московском государстве XVII в. М., 1912. С. 71.



и царем как его государем. Они имели также серьезное уголовно-правовое и уголовно-процессуальное значение.

С уголовно-правовой точки зрения текст крестоцеловальных записей являлся средством формального закрепления и доведения до населения содержания тех запретов, которые были установлены государством и церковью в целях обеспечения безопасности политического строя. Их соблюдение обеспечивалось угрозой неблагоприятных последствий, исходящих от бога, церкви и государства.

Неблагоприятные последствия религиозного характера прямо указывались в текстах подкрестных записей 1598 и 1605 гг. Так, в записи 1598 г. говорилось: «а не учну яз Государю своему... и его Царевне, и их детем, Государем своим, по сему крестному целованью служить и прямити, или какое что лихо сделаю мимо се крестное целование, и не буди на мне Божья милость... и не буди на мне благословения святейшего Патриарха... и Митрополитов, и Архиепископов, и Епископов, и Архимандритов, и всего освященного вселенского собора»⁸. В записях последующего периода лишение милости божьей и церковного благословения как последствия нарушения запретов прямо не упоминаются, но, безусловно, подразумеваются. Как подразумеваются и последствия, исходящие от государства. Судьба человека, нарушившего крестное целование государю и лишенного в связи с этим церковного благословения, полностью зависела от воли царя и его окружения. В соответствии со сложившимися обычаями к виновному могли быть применены любые казни и наказания, которые в каждом конкретном случае признавались верховной властью наиболее целесообразными, вплоть до лишения жизни.

Таким образом, нарушение запретов, указанных в крестоцеловальной записи, влекло за собой уголовную по своей правовой природе ответственность. Ее содержание с точки зрения правосознания людей начала XVII вв. включало три вида лишений: лишение божьей милости, лишение церковного благословения, сопровождающееся проклятием «преслушника»⁹, а также казни и наказания от государя. Сами запреты, закрепленные в крестоцеловальной

записи, в силу характера обеспечивающих их санкций и с учетом религиозной природы Московской правовой системы, также могут быть оценены как уголовно-правовые. Их нарушение расценивалось как особый вид преступлений — «крестные преступления».

Выражение: совершить что-либо, «преступя крестное целование», а также понятие «крестное преступление» получают широкое распространение в документах периода Смуты XVII. Так, в отписке из Вятки в Пермь о смуте в Яранске от 11 апреля 1609 г. говорилось, что «дьячек Павлик Мокеев... вору хреста не целовал, а государю царю... Василью Ивановичу... крестного целования не преступил и... государю во всем прямил»¹⁰. А в окружной грамоте Дмитрия Пожарского от июня 1612 г. указывалось: «Князь Дмитрий Трубецкой, да Иван Заруцкой, и атаманы и козаки... преступя всемирное крестное целованье... и умысля воровством, целовали крест вору, который во Пскове, имянуя его Дмитрием... да Марине и сыну ея». И далее: «они своровали, целовали крест Псковскому вору...»¹¹.

Наконец, в грамоте от находившихся в Москве бояр от января 1612 г. прямо говорится о «крестном преступлении к Государю», за которое виновные подвергаются божьему возмездию: «которой был большой заотца Прокофеи Ляпунов... и того те воры, которые с ним были в том воровском заводе, Ивашка Зарцкой с товарищи убили, и тело его держали собакам на снаденье на площади три дни, и вы видите, за его к Государю крестное преступление и за зачатие невинные Крестьянские крови, какову месть ему Бог воздал по его делом, от егож воровских товарищей...». И далее: «А полские и Литовские люди, видя ваше от Государя преступление и ко Государю непокоренье, так же города все пустошат и воют... И всем пограничным Государем в посмех мы и в позор и в укоризну стали, и как можем терпети, видя такому великому и преславному Московскому Государству от воров разоренье? А все то вами и вашим непокорством и крестным преступлением»¹². Как видим, «крестное преступление» по своей социально-политической сущности расценивается не просто как греховное, а, прежде всего, как антигосударственное деяние, создающее угрозу как государю, так и всему государству¹³.

⁸ Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи археографической экспедицией императорской академии наук. СПб., 1836. Т. 2. № 10. С. 60.

⁹ Так, в грамоте об избрании царем Бориса Годунова предписывалось: «и вам Государевым богомолцом... на того преступника, кто учнет супротивлятися царской власти и повелению, положити на такого клятву и неблагословение ваше святительское, по сей утверженной грамоте...»; См.: Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи археографической экспедицией императорской академии наук. СПб., 1836. Т. 2. № 7. С. 39.

¹⁰ Акты времени правления царя Василия Шуйского 19 мая 1606 г. – 17 июня 1610 г. М., 1914. С. 35.

¹¹ Памятники истории Смутного времени. М., 1909. С. 99, 101.

¹² Там же. С. 86, 88.

¹³ Не случайно в вышеупомянутой грамоте из Москвы 1612 г. бояре, призывая к восстановлению государственного порядка, указывают: «И вам, братье нашей единокров-



Это дает основание полагать, что в Московской религиозно-правовой системе начала XVII в. сложилось понятие «крестного» (государственного) преступления («к Государю крестное преступление», «от Государя преступление»). Оно охватывало ставшие достаточно массовыми случаи нарушения присяги на верность государю и влекущее, по представлениям того времени, возмездие от бога. Указанные деяния нередко обозначаются так же как «измена» (в широком смысле слова), а лица, их совершающие, характеризуются как «государевы изменники».

3. Тексты крестоцеловальных записей, излагая содержание возлагаемых на подданных запретов, в специфической казуистичной форме давали общую характеристику составов «крестных» преступлений. Анализ записей позволяет выявить сложившиеся к началу XVII в. в Московском государстве представления о системе этих посягательств.

Впервые в наиболее полной форме содержание уголовно-правовых запретов, призванных обеспечивать неприкосновенность основ политического строя и безопасность государства, было закреплено в подкрестной записи 1598 г.¹⁴ Анализ этой записи показывает, что в ней нашли отражение шесть видов преступлений — «лихих дел» против государя¹⁵.

Первые два заключались в непосредственном посягательстве на личность царя, царицы и царевичей, их жизнь, здоровье, душевную и физическую неприкосновенность, а также в посягательстве на их право быть государями и «подыскание» другого царя.

Третий и четвертый виды преступлений были связаны с нарушением обязанности «служити и прямити Государю». Они заключались в групповых посягательствах (бунтах) против царя, царицы и царевичей и их «ближних людей», а также в «отъезде» от государя. Именно эти деяния в записи 1598 г. характеризуются как измена в узком смысле слова.

Наконец, пятый и шестой виды преступлений, упомянутых в подкрестной записи 1598 г., заключались в посягательствах на интересы государственной службы и правосудия. Подданный присягал «будучи у его государева дела, делати всякие дела в правду, по дружбе никому не норовити, а по недружбе ни кому

не мстити». Подобное же обязательство¹⁶ касалось участия в «повальном обыске», то есть тех случаев, когда «Государь... пришет к нам в город кого, обыскивать про свои государевы и про земские про которые дела, и про разбои, и про татбу, и про убийство, и про пожегу, и про исцовы иски, и про которые дела нибудь, и мне про те дела сказывать правду».

Как уже отмечалось, наряду с всеобщей присягой, представители отдельных социальных групп принимали присягу специальную. Сохранившиеся свидетельства показывают, что содержащиеся в специальных присягах запреты касались в основном преступлений против интересов службы и правосудия. Как писал Н.М. Карамзин, сверх предписаний всеобщей присяги Борису Годунову «Бояре, чиновники Думные и Посольские обязывались быть скромными в делах и тайнах государственных, судии не кривить душой в тяжбах, казначеи не корыстоваться Царским достоянием, Дьяки не лихоимствовать»¹⁷. Показательно, что среди других должностных преступлений мы видим и разглашение государственной тайны. Именно в специальных присягах 1598 г. государственная тайна, пожалуй, впервые в русских документах, обозначена как относительно самостоятельная ценность, требующая специальной защиты. Показателен и круг возможных субъектов разглашения — это люди, несущие службу в высших государственных органах (бояре, чиновники Думные) и органах внешних сношений (чиновники Посольские).

Текст всеобщей подкрестной записи 1605 г. не включил упоминания о преступлениях против интересов государственной службы и правосудия. Соответствующие обязательства сохранялись в специальных присягах, принимаемых теми подданными, которые призывались к исполнению обязанностей службы государю и участия в «повальном обыске». В системе «крестных» преступлений запись 1605 г. сохранила только первые четыре вида посягательств. Именно они в последующие годы с разной степенью полноты находили отражение во всеобщих крестоцеловальных

нои, надобе памятовати Бога и души свои и Государское крестное целованье и свое отечество...». Там же. С. 87.

¹⁴ См.: Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи археографической экспедицией императорской академии наук. СПб., 1836. Т. 2. № 10. С. 57-60.

¹⁵ Подробнее см.: Савченко Д.А. Ответственность за государственные преступления в Московском царстве первой половины XVII в. Новосибирск, 2013. С. 22-41.

¹⁶ «Другу не дружити, а недругу не мстити, и не затеати ни на кого... по дружбе татей и разбойников и душегубцов и всяких лихих людей не укрывати и добрыми людьми не называти, а добрых людей по недружбе розбою и татбы и всяких лихих дел в обысках взводити ... и разбойных и татинных дел, по дружбе, в грабежные дела не сказывати, а грабежев, по недружбе, в розбойные дела не сказывати, и посулов и поминков от того ни у кого не имати ни чего ... не утаити мне никоторыми делы». — Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи археографической экспедицией императорской академии наук. СПб., 1836. Т. 2. № 10. С. 60.

¹⁷ См.: Карамзин Н.М. История государства Российского. Т. XI. СПб., 1824. С. 7-9.



записях, тексты которых отражали особенности политической обстановки соответствующего исторического периода.

4. Все подкрестные записи на верность конкретному царю, в отличие от записей об избрании царя в будущем, в первую очередь были направлены на предупреждение посягательств на личность государей, к которым относились царь, царица, а также царевичи и царевны. Поэтому первый из указываемых в записях запрет непосредственно касался обязательства «Государю своему, Царю... и его Царице, и их детям... хотети добра во всем в правду, безо всякия хитрости». Он был направлен на предотвращение тех видов «крестных» преступлений, которые в общественном сознании того времени расценивались как наиболее опасные посягательства.

Прежде всего, об этом говорится в подкрестной записи 1598 г., по которой присягающий обязуется «лиха мне Государю... и его Царице, и их детям, Государем своим, ...не хотети ни в чем никакого, ни мыслити, ни думати, ни делати ни которыми делы, ни которою хитростию...». В силу этого уже само по себе желание («хотение») какого-либо «лиха» государю, сама мысль (умысел) о том, чтобы ему было причинено «зло», расценивались как нарушение «крестного целования» и влекли соответствующие последствия. Еще более рельефно положение о запрете в данном случае именно «голого умысла» на жизнь, физическое и душевное здоровье и благополучие государя проявляется в соответствующих местах записей 1605 и 1606 гг. Здесь не упоминается запрет «ни делати» лиха, а предписывается «лиха... не хотети никакого» (1605 г.) и «лиха... никакова не хотети, ни мыслити, ни думати» (1606 г.)¹⁸.

Наряду с общим запретом «лихого умышления» на государя, в подкрестных записях упоминаются и конкретные деяния, представляющие угрозу для жизни, здоровья, благополучия царя, царицы, царевича и царевны. С.Е. Князьков обоснованно подметил, что в соответствующих положениях была «в какой-то степени обобщена» судебная практика XVI — начала XVII вв.¹⁹ Общая формула присяги в этой части выглядела в записях 1598, 1605 и 1606 гг. следующим образом: «над Государем своим... в естве и в питье, ни в платье, ни в ином ни в чем лиха никакого не учинити и не испортити, и зелья лихого и коренья не давати...». Уже в

более обобщенной форме это правило в 1613 г. закреплялось в крестоцеловальной записи, по которой присягали белозерцы на верность царю Михаилу Федоровичу: «на государя никакой порчи не заводити и тем злым делом не умышляти и о том ни с кем не думати»²⁰.

Характеризуя отраженные в записях возможные посягательства на личность государя, Г.Г. Тельберг отмечал, что их объектом признается не только жизнь представителя верховной власти, но его «здоровье» вообще. «Московский законодатель... предвидел не увечья и побои, объектом которых едва ли могла стать личность великого государя, а главным образом умысел навести на него неизлечимую болезнь, «испортить его всякой злой порчей», как говорили и верили в Москве, или же «приворожить и счаровать», т.е. завладеть его духовной самостоятельностью для разнообразных и таинственных расчетов»²¹.

Г.Г. Тельберг полагал, что «из сопоставления подкрестных записей... и дошедших до нас следов судебной практики по этим делам мы можем восстановить колоритную бытовую черту посягательств на государево здоровье в московские времена: умысел в этом преступлении был по преимуществу умыслом «волшебным», и средством для реализации его, по взгляду действующего субъекта, должны были служить зелья, коренья, волхования и иные способы «порчи».

Если под «зельем лихим» можно разуместь отравление, которое по неуловимости следов внушало почти суеверный ужас людям XVII в., то обязательство «не испортить» прямо указывает на средства «волшебные»²².

В то же время, обращает на себя внимание то обстоятельство, что специальный состав «ведовства» выделялся только в подкрестной записи 1598 г. В ней предписывалось «Государю... на следу всяким ведовским мечтанием не испортити, ни ведовством по ветру никакого лиха не насылати и следу не выимати... а как Государь... куды поедут или куды пойдут, и мне следу волшебством не выимати и всяким злым умышлением и волшебством не умышляти и не делати». Эта, по словам С.Е. Князькова, «формула о недопустимости порчи государя с помощью ведовства»²³ в последующих крестоцеловальных записях не встречается. «Бытование упомянутых формул полностью соответствует судебной практике конца XVI — начала XVII вв., когда обвинение в колдовстве служило средством борьбы царя Бориса Федоровича с группировками знати (процессы Романовых, И.И. Шуйского)»²⁴.

¹⁸ Такая же формула включена и в текст записи 1610 г.; См.: Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи археологической экспедицией императорской академии наук. СПб., 1836. Т. 2. № 164. С. 280.

¹⁹ Князьков С.Е. О квалификации политических преступлений конца XVI – начала XVII вв. // Реализм исторического мышления. Проблемы отечественной истории периода феодализма. М., 1991. С. 123.

²⁰ Цит. по: Тельберг Г.Г. Указ. соч. С. 68.

²¹ Там же. С. 63.

²² Там же. С. 68.

²³ См.: Князьков С.Е. Указ. соч. С. 124.

²⁴ Там же.



После Бориса Годунова власти не сочли нужным выделять «ведовское мечтание», «ведовство по ветру» и «выемку следа» в качестве особых форм посягательства на государя. И хотя ведовство и волшебство по-прежнему рассматривались как достаточно реальная угроза для государя, тексты крестоцеловальных записей основной упор делали на более осязаемых формах ее проявления: «лихо» и «порча» через «ество», «питье», «платье», «зелье лихое», «коренья». Сокращение формул крестоцеловальных записей в этой части можно расценивать как стремление ограничить необоснованные с точки зрения меняющегося правосознания начала XVII в. репрессии, имевшие место при царе Борисе.

В то же время, в подкрестных записях 1598, 1605 и 1606 гг. неизменно сохранялись положения, направленные на недопущения сговора нескольких лиц, направленного на «учинение лиха» и «порчи» государя. В наиболее развернутой форме они были закреплены в записи 1598 г.: «учнет кто говорити, чтоб мне над Государем своим... какое лихо кто похочет учинити, или кто похочет портити, и мне того человека никакого не слушати и зелья лихого и коренья у того человека не имати; да и людей своих с ведовством да и со всяким лихим зельем и с кореньем не посылати и ведунов и ведуней не добывати на государское... на всякое лихо». Записи 1605 и 1606 гг., исключив специальное упоминание о ведовстве, сохранили общее требование «того человека не слушати и зелья лихого и коренья у того человека не имати». Наконец, в записи 1613 г. соответствующий запрет получает еще более обобщенное выражение — «о том ни с кем не думати»²⁵.

Как видим, формулировки закрепляемых в крестоцеловальных записях запретов постепенно изменяются от казуистических к более обобщенным, отражающим более широкий круг конкретных ситуаций.

Наряду с вопросами соучастия в посягательстве на государя в крестоцеловальных записях заметное место занимает регламентация ситуаций прикосновенности к подобным преступлениям. Так, в записи 1598 г. была закреплена обязанность «поймать и привести к Государю своему» того, кто «про такое злое дело учнет думати и умышляти на Государево... на всякое лихо, или кто похочет Государя... кореньем или лихим зельем и волшебством испортити». При отсутствии возможности поймать злоумыш-

ленника необходимо было «про того сказати Государю своему... или его бояром или ближним людям». Наряду с предписанием активных действий, запись 1598 г. включала и соответствующий запрет: «не утаити мне того ни которыми дела, ни которою хитростию», который подразумевал, вероятно, как недонесение, так и укрыительство злоумышленника²⁶.

В записи 1598 г. указывались и источники той информации, о которой необходимо было «доносить до Государя». Они трактовались достаточно широко: «а у кого уведаю, или с стороны услышу у какого человека нибудь, кто про такое злое дело учнет думати...». Таким образом, обязанность поимки или доноса возникала во всех случаях, когда человек непосредственно или опосредованно узнавал не только о действиях или словах, но даже о чьих-то мыслях, связанных со «злым делом» против государя.

Показательно, что в крестоцеловальной записи 1605 г. на верность Лжедмитрию, пришедшему к власти на волне критики установленных Б. Годуновым порядков, обязанность доноса о злоумышлении против государя не указывалась. В то же время, уже в 1606 г., после свержения и убийства Лжедмитрия в результате восстания, подготовка и осуществление которого для царя оказалась полной неожиданностью, в подкрестной записи на верность В. Шуйскому вновь было закреплено требование «поймав того человека сказати про него Государю или его ближним людям; а будет за которыми мерами поймать не случится, и мне про того человека тотчас сказати Государю». Правда источник информации здесь предполагался уже более определенный — «кто мне учнет о каком лихе говорити на них Государей», хотя на практике он трактовался столь же широко, как и при Б. Годунове.

При этом конкретное содержание мотива злоумышления на государя не имело значения для его характеристики как «крестного» преступления. Ведь сакрализованная фигура царя сама по себе требовала защиты от любых посягательств.

Таким образом, крестоцеловальные записи играли в религиозно-правовой системе Московского государства важную роль. Они были мощным средством воздействия на волю и сознание населения, закрепляли обязательства населения перед царем и неблагоприятные последствия при их неисполнении, обеспечивали предупреждение посягательств на основы политического строя вообще и на личность государя в частности.

²⁵ «Подкрестные записи не забывают членов царствующего дома, как объектов преступного умысла... В подкрестной записи белозерцев от 1613 г. присягающие дают обещание: «на государя и на царицу и на царских детей дурна никакого, порчи, зелья и злого коренья не заводити и тем злым делом не промышляти и о том ни с кем не думати». — Цит. по: Тельберг Г.Г. Указ. соч. С. 102.

²⁶ В записи 1598 г. была указана и не встречающаяся в последующем специальная обязанность «не утаити» про ставшее известным «ведовское дело»; См.: Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи археографической экспедицией императорской академии наук. СПб., 1836. Т. 2. № 10. С. 59.

**Библиография:**

1. Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи археографической экспедицией императорской академии наук. — СПб., 1836. — 410 с.
2. Акты времени междоусобия (1610 г. 17 июля — 1613 г.). — М., 1915. — 240 с.
3. Акты времени правления Царя Василия Шуйского. 19 мая 1606 г. — 17 июля 1610 г. — М., 1914. — XVIII, — 421 с.
4. Карамзин Н.М. История государства Российского. Т. XI. СПб., 1824. — 477 с.
5. Князьков С.Е. О квалификации политических преступлений конца XVI — начала XVII вв. // Реализм исторического мышления. Проблемы отечественной истории периода феодализма. — М., 1991. — С. 123–124.
6. Памятники истории Смутного времени. — М., 1909. — 104 с.
7. Савченко Д.А. Правовое значение крестоцеловальных записей конца XVI — начала XVII вв. // Правовые проблемы укрепления российской государственности. Ч. 25. Томск, 2005. — С. 62–66.
8. Савченко Д.А. Ответственность за государственные преступления в Московском царстве первой половины XVII в. Новосибирск, 2013. — 147 с.
9. Тельберг Г.Г. Очерки политического суда и политических преступлений в Московском государстве XVII в. — М., 1912. — 342 с.
10. Kollmann Nancy Shields. Crime and punishment in early modern Russia. — Cambridge, 2012. — 488 p.
11. Луковская Д.И., Соловьев А.А. Правовая система: деятельностно-интегративный подход // Право и политика. — 2011. — № 10. — С. 1612–1618.

References (transliteration):

1. Akty, sobrannyye v bibliotekah i arhivah Rossiyskoy imperii arheograficheskoy ekspeditsiey imperatorskoy akademii nauk. — SPb., 1836. — 410 s.
2. Akty vremeni mezhdunarstviya (1610 g. 17 iyulya — 1613 g.). — M., 1915. — 240 s.
3. Akty vremeni pravleniya Carya Vasiliya Shuyskogo. 19 maya 1606 g. — 17 iyulya 1610 g. — M., 1914. — 421 s.
4. Karamzin N.M. Istoriya gosudarstva Rossiyskogo. T. XI. — SPb., 1824. — 477 s.
5. Knyaz'kov S.E. O kvalifikatsii politicheskikh prestupleniy konca XVI — nachala XVII vv. // Realizm istoricheskogo myshleniya. Problemy otechestvennoy istorii perioda feodalizma. — M., 1991. — S. 123–124.
6. Pamyatniki istorii Smutnogo vremeni. — M., 1909. — 104 s.
7. Savchenko D.A. Pravovoe znachenie krestoceloval'nyh zapisey konca XVI — nachala XVII vekov // Pravovye problemy ukrepleniya rossiyskoy gosudarstvennosti. Ch. 25. — Tomsk, 2005. — S. 62–66.
8. Savchenko D.A. Otvetstvennost' za gosudarstvennyye prestupleniya v Moskovskom carstve pervoy poloviny XVII veka. — Novosibirsk, 2013. — 147 s.
9. Tel'berg G.G. Ocherki politicheskogo suda i politicheskikh prestupleniy v Moskovskom gosudarstve XVII veka. — M., 1912. — 342 s.
10. Kollmann Nancy Shields. Crime and punishment in early modern Russia. Cambridge, 2012. — 488 p.
11. Lukovskaya D.I., Solov'ev A.A. Pravovaya sistema: deyatelnostno-integrativnyy podhod // Pravo i politika. — 2011. — № 10. — С. 1612–1618.

Материал получен редакцией 4 июля 2013 г.